

Ганс Кёхлер¹

ВЛАСТЬ, ЗАКОН И МИРОВОЙ ПОРЯДОК. РАЗМЫШЛЕНИЯ О РОЛИ ООН

Антагонистические отношения между властью и законом

Обычно, если отношения между суверенными государствами не регулируются законом, то они оказываются во власти более сильного(-ых) игрока(-ов) или, точнее, тех государств, которые в данный момент

¹ Президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), профессор Университета Инсбрука, доктор философии. Автор более 30 научных публикаций, в т. ч.: «Феноменологический реализм: избранные эссе», «Демократия и международное правовое государство. Предложения по альтернативному мировому порядку», «Концепция гуманитарного вмешательства в контексте современной политической власти», «Глобальная справедливость или глобальная месть? Международное криминальное законодательство на распутье», «Мусульмано-христианские связи в Европе. Прошлое, настоящее, будущее», «Совет Безопасности как исполнитель справедливости?» и др. Награжден Почетной медалью Австрийского общества вузов, Почетной медалью Международного бюро мира (Женева, Швейцария), Большой медалью Давида Непобедимого Армянской академии философии и др. Почетный доктор Государственного университета Минданао (Филиппины) и Армянского государственного педагогического университета.

времени относительно более могущественны. Конечным результатом развития системы, основанной главным образом на праве сильного, станет международная анархия. Это очевидно на примере «Европейского концерта» держав в преддверии Первой мировой войны, который обычно характеризуется немецким термином *Souveränitätsanarchie* («анархия в отношениях между суверенными государствами»). Если суверенитет понимается в абсолютном, исключительном смысле, то его осуществление непременно будет произвольным, и тогда суверенная власть государства будет предполагать право на ведение войны (*jus ad bellum*) без какой-либо необходимости оправдывать применение силы. Соответственно, суверенное государство в таком его понимании несовместимо с идеей верховенства права. Это опровергает саму суть международного права²,

² Джон Остин обратил внимание на несовместимость понятий «суверенитет» (в традиционном понимании) и «право», где последнее применяется к реалиям международных отношений: «Го-

поскольку отрицает равенство между государствами и вытекающий из этого равенства принцип взаимности, делая каждый суверенный субъект главным источником права и создавая структурный конфликт интересов, а в действительности — постоянную, анархическую по своей сути борьбу за власть. Очевидно, что такое положение дел не создает условий для установления справедливого и мирного международного порядка.

В равной степени очевидно, что лишь посредством системы норм, являющихся обязательными для всех государств — больших или малых, богатых или бедных, слабых или могущественных, — может быть гарантирован справедливый и стабильный мировой порядок, при котором будут защищены фундаментальные права всех граждан, и прежде всего и главным образом — право на мир.

Чтобы нормы международного права имели хоть какой-то смысл, их надо исполнять последовательно и единообразно. Это исключает любые формы произвола, которые, тем не менее, как представляется, часто служат способом принятия решений Советом Безопасности. В чем коренится эта дилемма?

Подобно внутригосударственным правовым нормам, нормы международного права должны предусматривать систему санкций за их несоблюдение. Правовую норму от моральной или от принципа отличает связь первой с системой специальных санкций, которые применяются в случае ее нарушения (в соответствии со специальными процедурами, определенными законом). Таким образом, правовая норма представляет собой нечто большее, чем простой призыв к сознательности. Эта мысль также отражена в классическом определении правовой системы, по Гансу Кельзену, как «принудительного нормативного порядка» (*normative Zwangsordnung*)¹. Однако, хотя принуждение — это фактически условие (*conditio sine qua non*) верховенства права, механизмы и процедуры его осуществления на международном уровне существуют лишь в рудиментарной форме. Неудивительно, что в аспекте исполнения система международного права всегда ставилась под сомнение².

вора точнее, международное право, или право, приобретаемое нациями, касается поведения суверенных субъектов по отношению друг к другу. Отсюда неизбежно следует, что приобретение прав нациями не является позитивным правом, поскольку каждое позитивное право устанавливается конкретным суверенным субъектом для человека, находящегося в подчиненном положении по отношению к автору» (The Province of Jurisprudence Determined and The Uses of the Study of Jurisprudence. With an Introduction by H. L. A. Hart. Indianapolis, Indiana: Hackett Publishing Company, 1998 [впервые опубликовано в 1832 и 1863 гг. соответственно], Lecture VI, p. 201).

¹ Kelsen H. Rechtslehre Reine. Mit einem Anhang: Das Problem der Gerechtigkeit. Vienna: F. Deuticke, 1960. P. 45 ff. (Английское издание: Pure Theory of Law. Translation from the second [revised and enlarged] German edition by Max Knight. Union, N. J.: Lawbook Exchange, 2000).

² Как указано выше, формула «международное право не является правом» относится к эпохе правового позитивизма Джона Остина и к его доктрине государственного суверенитета. См. лекции V и VI из серии «Определение предмета юриспруденции» (The Province of Jurisprudence Determined and The Uses of the Study of Jurisprudence, pp. 118ff and pp. 191ff. For an overview of the contemporary debate see Oona Hathaway and Scott J. Shapiro; Out-casting: Enforcement in Domestic and International Law (3 ноября 2010 г.). Hauser Globalization Colloquium Fall 2010. URL: <http://www.iilj.org/courses/documents/HC2010Nov10.HathawayShapiro.pdf>, 20 сентября 2011 г.

Внутри государства нормы права приводятся в исполнение за счет власти судебных и исполнительных государственных органов, осуществляющих свои конституционные полномочия на основе монополии государства на власть и в рамках разделения властей. Подобное устройство призвано не допустить произвола в действиях государственных органов и, главное, предотвратить злоупотребление властью, а также то, что сегодня определяется как «политика двойных стандартов». На этом уровне «качество» верховенства закона, по сути, зависит от качества государственных механизмов сдержек и противовесов.

На международном уровне базовым элементом обеспечения соблюдения норм права является власть, в том числе полномочия и возможность использования вооруженных сил³ стран — членов Совета Безопасности Организации Объединенных Наций⁴, основанной на международном соглашении между суверенными государствами. Очевидно, что так как международные отношения по-прежнему формируются государствами как суверенными субъектами, система обеспечения соблюдения норм международного права в рамках межгосударственной (не наднациональной) организации всегда будет рудиментарной (по сравнению с внутригосударственным уровнем) и несовершенной. В настоящее время механизм, который обеспечивал бы (хотя бы в принципе) универсальное «соблюдение норм права», существует лишь в сфере поддержания мира и безопасности, регулируемой главой VII Устава ООН⁵. Во всех других областях, будь то права человека, международное гуманитарное право или международное уголовное право⁶, подобный механизм существует только в очень слабой, хрупкой и неполноценной форме. Такие понятия, как «гуманитарные интервенции»⁷ или «ответственность за обеспечение защиты»⁸, которые в последние годы обычно используются в связи с мерами по вооруженному обеспечению соблюдения

www.iilj.org/courses/documents/HC2010Nov10.HathawayShapiro.pdf, 20 сентября 2011 г.

См. также: Goldsmith J. L., Posner E. A. The Limits of International Law. Oxford; N. Y. etc.: Oxford University Press, 2005.

³ Общий анализ фактора силы в международных отношениях см.: Carr E. H. The Twenty Years' Crisis, 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations. Reissued with a New Introduction and additional material by Michael Cox. Basingstoke (UK); N. Y.: Palgrave Macmillan, 2001, Гл. 7. Могущество в международной политике, с. 97ff.

⁴ Полномочия других стран — членов ООН по обеспечению соблюдения норм права имеют лишь вторичный характер, так как они зависят от резолюции, принимаемой на основе главы VII органом, который в соответствии с этой главой представляет всех членов (ст. 24[1]).

⁵ Комплексный обзор и анализ см.: Wet E. de. The Chapter VII: Powers of the United Nations Security Council. Oxford; Portland, Or.: Hart, 2004.

⁶ О проблемах власти и права в области международного уголовного правосудия см.: Köchler H. Global Justice or Global Revenge? International Criminal Justice at the Crossroads. Vienna; N. Y.: Springer, 2003.

⁷ О практике «гуманитарных интервенций» в эпоху после окончания холодной войны см.: Köchler H. The Concept of Humanitarian Intervention in the Context of Modern Power Politics: Is the Revival of the Doctrine of "Just War" Compatible with the International Rule of Law? // Studies in International Relations: International Progress Organization, 2001. Vol. XXVI.

⁸ Критический анализ см.: Hehir A. The Responsibility to Protect: 'Sound and Fury Signifying Nothing'? // International Relations. 2010. June. Vol. 24, № 2. P. 218–239.

норм права, предпринимаемыми Советом Безопасности, остаются высокопарными философскими принципами. Узкие политические интересы практически всегда обуславливали непоследовательное применение лежащей в их основе доктрины. Сегодняшняя практика напоминает нам о «максиме Валуевского» — формуле, приписываемой министру иностранных дел Франции графу Валуевскому (XIX в.), который считал важнейшей задачей дипломатии маскировать собственные интересы «под всеобщие интересы с целью их навязывания всему остальному миру»¹.

Доминирование интересов над идеалами обостряет фундаментальную дилемму соблюдения норм права в межгосударственных отношениях. В целях предотвращения незаконного использования силы в межгосударственных отношениях, в частности актов агрессии и мер, угрожающих международному миру и безопасности, сила (в смысле «жесткая сила»²) со стороны стран — членов ООН необходима. В соответствии с процедурами принятия решений, прописанными в ст. 27 Устава ООН, группа в составе пяти постоянных членов Совета Безопасности а) определяет, каким образом и в какой мере применяется эта сила; и б) с учетом своего экономического и военного могущества обеспечивает «авторитетность» соответствующего решения. Сопутствующий риск злоупотребления этими полномочиями стал одним из главных вызовов для Организации Объединенных Наций, особенно в современных условиях однополярного мира.

Напряжение между силой и правом в Организации Объединенных Наций

Принимать «эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии» — одна из основных задач Организации Объединенных Наций (ст. 1 [1]). В этом отношении Устав ООН идет куда дальше простого увещания или торжественного провозглашения норм. Унифицированное обеспечение соблюдения соответствующих норм, как предусмотрено гл. VII, поистине является сутью международного верховенства права в рамках межгосударственной структуры ООН³. В том, что касается системы коллективной безопасности, это на первый взгляд представляет собой смену парадигм по сравнению с консенсусным и рекомендательным характером Устава Лиги Наций⁴.

¹ Граф Александр Жозеф Колонна-Валуевский, министр иностранных дел Франции в 1855–1860 гг., в обращении к Отто фон Бисмарку (1857). Цит. по: *Carr E. H. The Twenty Years' Crisis, 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations*. Гл. «Национальный интерес и всеобщее благо». С. 71.

² О различии между «жесткой силой» и «мягкой силой» см.: *Nye J. S. Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N. Y. : Public Affairs, 2004.

³ Поскольку обеспечение соблюдения норм права в строгом смысле предусмотрено лишь в сфере коллективной безопасности, то есть в том, что касается фундаментальных принципов мирного разрешения конфликтов и неприменения силы (ст. 2, п. 3 и 4), Совет в определениях согласно ст. 39 имеет тенденцию интерпретировать термин «угроза миру» достаточно расплывчато и давать ему расширительное толкование.

⁴ Статья 5 Устава Лиги Наций устанавливает требование консенсуса при принятии всех решений (кроме процедурных) Ассамблеи и Совета (за исключением стран, вовлеченных в конфликт, как предусмотрено положениями ст. 15).

Что же касается механизмов обеспечения соблюдения норм права в рамках ООН, то требование консенсуса применимо лишь к пяти постоянным членам Совета Безопасности. Однако не должно быть иллюзий по поводу эффективности такой системы, которая увязывает юридически обязывающие решения с политическими соображениями некоторых из наиболее влиятельных членов организации. Улучшение по сравнению с Уставом Лиги Наций весьма относительно⁵. В действительности здесь мы имеем дело не с подлинно коллективной безопасностью (которая требовала бы унифицированного обеспечения соблюдения норм права на основании равноправного участия всех членов уполномоченного органа, Совета Безопасности), а с системой принуждения, которая опирается на силу и зависит от согласия пяти постоянных членов Совета.

Во времена учреждения организации обоснование, стоявшее за соответствующими положениями Устава, безусловно, сводилось к тому, что это были ведущие (в военном отношении) державы, против воли которых и без мощи которых ни одно решение не могло быть выполнено. Кроме того, как справедливо отмечает Гарри Алмонд, «если бы пять постоянных членов Совета Безопасности, в первую очередь отвечающие за установление власти в Совете, не были наделены правом вето, то учреждение Организации Объединенных Наций было бы маловероятно»⁶.

Неопределенность, связанная с использованием того, что сегодня называют «жесткой силой», в сфере «коллективной безопасности» (фраза, которая ассоциируется с идеей равноправия) обусловлена тем, что применение силы суверенными государствами — членами ООН должно контролироваться силами этих же государств. При этом привилегированная роль по Уставу отведена постоянным членам Совета Безопасности. Нормы права, а именно нормы о воздержании от агрессии, по сути приводятся в действие за счет авторитета этих государств и их союзников. Примечательно, что с момента нарушения баланса сил, существовавшего в эпоху холодной войны, в практику Совета вошло не только расширительное толкование мер по обеспечению соблюдения норм права согласно гл. VII (как в случаях введения режима широкомасштабных санкций, например в отношении Ирака в период с 1990 по 2003 г.)⁷, но и их кардинальная экспансия, которая

⁵ Подробнее см.: Шаткая природа международного права в отсутствии баланса сил // *Köchler H. (ed.) The Use of Force in International Relations: Challenges to Collective Security: studies in International Relations*. Vienna : International Progress Organization, 2006. Vol. XXIX. P. 15 ff.

⁶ *Köchler H. (ed.) The Reagan Administration's Foreign Policy: Facts and Judgment of the International Tribunal : Studies in International Relations*. Vienna ; L. : International Progress Organization and Third World Centre for Research and Publishing, 1985. Vol. XI. P. 438.

⁷ Подробнее о политике санкций, проводимой Советом в отношении Ирака, и несовместимости этой политики с фундаментальными правами человека см.: *Кехлер Г. (ред.) Иракский кризис и Организация Объединенных Наций: силовая политика vs. международное верховенство права. Меморандумы и декларации Международной организации за прогресс (1990–2003 гг.) // Исследования в области международных отношений*. Вена : Международная организация прогресса, 2004. Т. XXVIII. См. также отчет Научно-исследовательской группы Гарвардского университета.

серьезно подорвала легитимность этой международной организации. Наряду со способами воздействия, упомянутыми в Уставе, а именно — прерыванием связей и введением частичных или полных экономических санкций (ст. 41) с последующим использованием вооруженных сил (ст. 42), Совет добавил особые меры уголовного правосудия к тем методам, с помощью которых он приводит в действие свои резолюции, хотя такого рода меры нигде в Уставе не прописаны¹. Данная практика стала очевидна при учреждении Советом специальных судов (как в случае с бывшей Югославией, Руандой и в некоторых отношениях Ливаном) и обращении в Международный уголовный суд в соответствии со ст. 13b Судебного устава (как в случае с Суданом и Ливией).

Следует отметить, что любая резолюция о принудительных мерах требует установления Советом факта существования угрозы миру или нарушения мира (ст. 39) и — в случае использования вооруженных сил — также решения о том, что другие меры «будут неадекватны или доказали свою неадекватность» (ст. 42)². Однако Совет принимает такие определения (как и решения о соответствующих мерах) полностью вне рамок системы сдержек и противовесов, которая является привычной для внутригосударственной системы правосудия³. Нет четких критериев принятия подобных решений. Отсутствует механизм правового контроля решений, принимаемых согласно гл. VII. По сути Совет действует в качестве обвинителя, судьи и исполнителя приговора «в одном лице». Баланс сил — если он действительно должен существовать — между пятью постоянными членами⁴, который, как кажется, должно отражать положение о праве вето, предусмотренное ст. 27, очевидно, не стал противоядием от произвольных действий, как представляется, поощряемых положениями гл. VII. В период после окончания холодной войны структурный баланс в любом случае значительно ослаб.

Меры по обеспечению соблюдения норм права, принимаемые странами — членами ООН на основании резолюций согласно гл. VII, по сути, зависят от правомочий, предоставляемых законом, и опираются на «жесткую силу» постоянных членов Совета Безопасности. Эти меры отличаются от тех, что принимаются в целях исполнения норм права на национальном уровне. Отличия заключаются в следующем. Постоянные члены Совета Безопасности выбирают способ действий всецело по собственному усмотрению:

¹ Подробнее об очевидном самоуправстве Совета Безопасности см.: *Köchler H. The Security Council as Administrator of Justice? Studies in International Relations. Vol. XXXII. Vienna: International Progress Organization, 2011.*

² В данном случае в Уставе используется слабый термин «рассмотреть» (вместо «определить»).

³ Подробнее см.: Шаткая природа международного права в отсутствии баланса сил // *Köchler H. (ed.) The Use of Force in International Relations: Challenges to Collective Security. P. 15ff.*

⁴ См. авторский анализ: Смещающийся баланс сил и будущее суверенных государств / F. Matscher, P. Pernthaler, A. Raffener (eds.) *Ein Leben für Recht und Gerechtigkeit: Hans R. Klecatsky zum 90. Geburtstag. Vienna: Neuer Wissenschaftlicher Verlag, 2010, P. 359–370.*

См. также: *Köchler H. The Politics of Great Powers // The Global Community. Yearbook of International Law and Jurisprudence. 2009. Vol. I. P. 173–201.*

а) отсутствует система сдержек и противовесов; Уставом не предусмотрено разделение властей, не существует аналога Конституционного Суда (Международный суд Организации Объединенных Наций, «основной орган правосудия» ООН, имеет совершенно иной характер);

б) постоянный член Совета вправе наложить вето на юридически обязывающую (согласно гл. VII) резолюцию, даже если этот член сам вовлечен в рассматриваемый спор⁵, что равносильно иммунитету от наказания в случае агрессивной войны. Война НАТО против Югославии в 1999 году и вторжение Соединенных Штатов Америки в Ирак в 2003-м наглядно иллюстрируют эту проблему системы коллективной безопасности ООН. Что касается необязательности для постоянного члена воздерживаться от голосования «по вопросу, касающемуся его непосредственно», то здесь Устав ООН еще более отсталый, чем Устав Лиги Наций, в котором принципу «никто не может быть судьей в собственном деле» отводилась более серьезная роль⁶. В категориях международного верховенства закона подобная «привилегия», предоставленная определенным государствам, может рассматриваться только как внутреннее противоречие, которое глубоко делегитимизирует вверенную Совету Безопасности роль представителя всех стран — членов Организации Объединенных Наций (ст. 24 [1]).

Помимо политического произвола при использовании силы, обусловленного структурой Совета Безопасности и применяемой в нем процедурой голосования, юридически обязывающие резолюции, которые Совет принял в 1990 и 2011 годах по Ираку и Ливии соответственно, создали прецеденты, согласно которым любая страна — член ООН вправе (в определенных ситуациях, когда Совет разрешает прибегнуть к вооруженным действиям согласно гл. VII) использовать силу по собственному усмотрению. Магические фразы «все необходимые средства» (резолюция 678 [1990])⁷ или «все необходимые меры» (резолюция 1973 [2011])⁸ широко эксплуатируются заинтересованными странами для продвижения собственной военной повестки и придания ей видимости международной легитимности. Включение этой фразы в текст резолюций с провозглашаемой целью достижения определенных результатов, сформулированных Советом (таких как уход с оккупированных территорий⁹ или «защита мирного населения»¹⁰), фактически позволяет странам ве-

⁵ Это подразумевается ст. 27(3), согласно которой обязательство воздерживаться от голосования относится лишь к тем решениям, которые не имеют обязывающей силы в соответствии с гл. VI. См. подробнее: *Köchler H. The Voting Procedure in the United Nations Security Council. Ch. V/b: Circumventing the abstention clause. P. 29ff.*

⁶ *Köchler H. (ed.) The Reagan Administration's Foreign Policy: Facts and Judgment of the International Tribunal. P. 438.*

⁷ Принято 29 ноября 1990 года 12 голосами против 2, Китай воздержался.

⁸ Принято 17 марта 2011 года 10 голосами при 5 воздержавшихся (включая постоянных членов — Китай и Россию).

⁹ Так было в случае конфликта между Ираком и Кувейтом (1990ff). См. подробнее: *Köchler H. (ed.) The Iraq Crisis and the United Nations: Power Politics vs. the International Rule of Law.*

¹⁰ Это была провозглашенная цель относительно восстания и последующей гражданской войны, спровоцированной интервенцией под эгидой ООН, в Ливийской Джамахирии в 2011 году.

сти коалиционные войны, преследуя цели, полностью отличные от провозглашенных в соответствующей резолюции, и в такой манере, как если бы это были односторонние действия¹.

Это в очередной раз подтверждает, что механизм обеспечения Организацией Объединенных Наций соблюдения норм права в межгосударственных отношениях является не только несовершенным и фрагментарным (поскольку касается лишь определенных аспектов действий государств, включая угрозы или использование силы), но и фундаментально неполноценным. По структурным причинам, проистекающим из правовых противоречий в Уставе Организации Объединенных Наций, подобное обеспечение соблюдения правовых норм происходит а) даже без видимости сдержек и противовесов (которые неизбежны при верховенстве закона в любой системе) и б) на основе особой привилегии, предоставляемой самым влиятельным государствам, то есть за пределами баланса сил между всеми членами организации.

Заключение

Как мы определили в нашем анализе «антагонистических» отношений между властью и правом, любой политический субъект или субъект хозяйственной деятельности внутригосударственного или международного уровня, чтобы не быть обреченным на отставание, должен учитывать социальные реалии и динамику коллективного взаимодействия и осуществлять соответствующие процедуры. В отличие от идеальных условий, исходящих из предпосылки о совершенной природе человека, в реальном мире нельзя игнорировать взаимозависимость власти и права. И если (государ-

ственная) власть неизбежна для обеспечения соблюдения норм права, то ее реализация может быть подвергнута постоянному юридическому анализу и демократическому контролю. В межгосударственных отношениях это означает, что отстаивание национальных интересов суверенными государствами должно:

а) быть интегрировано в систему истинного баланса сил, учитывающего все регионы мира;

б) осуществляться на основании разделения властей внутри и между существующими межправительственными структурами (в плане процедур принятия решений такими организациями, как ООН, и взаимодействия между этими институтами);

в) регулироваться нормами, применяемыми единообразно, не выборочно и без дискриминации.

Реальная структура, правила и процедуры Организации Объединенных Наций далеко отстают от указанных требований.

Если бы были предприняты серьезные и комплексные реформаторские усилия по намеченным направлениям, то Организация Объединенных Наций могла бы в конечном счете обеспечить нормативные и институциональные рамки для многополярного миропорядка XXI века. Структурно реформированная ООН должна в первую очередь и главным образом исходить из правил принятия решений, ограничивающих использование жесткой силы и особенно вооруженных сил² теми мерами, которые необходимы для общего блага человечества, а не просто для выгоды наиболее влиятельных стран и их союзников. В условиях такой постоянной напряженности между властью и правом вынуждена работать Организация Объединенных Наций.

¹ Об использовании силы против Ливийской Джамахирии см.: Меморандум президента Международной организации за прогресс о Резолюции Совета Безопасности ООН 1973 (2011) и ее исполнении «коалицией доброй воли» под руководством Соединенных Штатов Америки и НАТО. International Progress Organization, Doc. P/22680c. Vienna, 26 March 2011. i-p-o.org/IPO-Memorandum-UN-Libya-26Mar11.pdf.

² «Жесткая сила», согласно определению Джозефа Ная, также включает все формы экономического принуждения, такие как эмбарго и санкции (к которым Совет Безопасности прибегает все чаще с момента окончания холодной войны). См.: Foreign Policy, 2006. February 23. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2006/02/22/think_again_soft_power